

ΚΕΗ
ΦΟΛΛΕΤΤ

KEN
FOLLETT

THE KEY
TO REBECCA

КЕН
ФОЛЛЕТТ

КЛЮЧ
К РЕБЕККЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Ф75

Серия «Бестселлеры Кена Фоллетта»

Ken Follett

THE KEY TO REBECCA

Перевод с английского *Д. Грачевич*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Ключ к Ребекке : [роман] / Кен Фоллетт ; [перевод с английского Д. Грачевич]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 384 с. — (Бестселлеры Кена Фоллетта).

ISBN 978-5-17-135846-4

Египет, 1942-й год.

Вторая Мировая война расколола на только Запад, но и Восток.

На пыльных улочках экзотического Каира развернулась настоящая война «бойцов невидимого фронта» Великобритании и Германии, а местные жители, по давней арабской привычке, пользуются этим, чтобы плести собственные политические интриги.

Таков фон, на котором начинается ожесточенное противостояние двух профессионалов Большой игры — немецкого шпиона-диверсанта и английского контрразведчика.

Они равно умны и бесстрашны. Равно считают, что цель оправдывает средства, и не готовы шадить ни себя, ни других.

Но победа достанется только одному...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 1980

© Перевод. Д. Грачевич, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Часть 1

ТОБРУЖ

1

Последний верблюд издох в полдень.

Этот пятилетний самец белого цвета, купленный в Джало, был самым молодым и выносливым из трех верблюдов и к тому же наименее норовистым. Хозяину очень нравилось это животное, насколько вообще может нравиться верблюд. Другими словами, он ненавидел его лишь самую малость.

Увязая в зыбком песке, человек и верблюд взобрались с подветренной стороны на небольшой бархан и остановились на его вершине. Их взору предстали тысячи одинаковых песчаных холмов, на покорение которых можно потратить полжизни. Казалось, эта безрадостная картина повергла верблюда в отчаяние. Его передние ноги подкосились, зад осел, и животное безжизненным памятником застыло на самой вершине холма, со смертным равнодушием обозревая просторы пустыни.

Хозяин подергал уздечку. Голова верблюда повернулась, шея напряглась, но сам он не двинулся с места. Человек обогнул его и несколько раз ударил ногой по его спине. Желаемого эффекта это не произвело. Тогда хозяин достал острый как бритва загнутый бедуинский нож и полоснул верблюда по крестцу. Тот даже не пошевелился, хотя из раны брызнула кровь.

Путник отдавал себе отчет в том, что происходит. Истощенное голодом тело животного перестало функционировать, словно машина, в которой кончилось горючее. Случалось, верблюды точно так же умирали, добравшись до оазиса, в окружении живительной растительности — просто потому, что у них уже ни на что не было сил.

У бедуина оставались еще две возможности поднять своего спутника на ноги. Можно было вливать воду верблюду в ноздри, пока тот не начнет захлебываться, или же развести под его крупом огонь. Однако идущий по пустыне мужчина не располагал достаточным количеством воды и дров, чтобы трагитить их подобным образом, тем более что оба способа могли оказаться неэффективными.

Так или иначе, продолжать путь было нельзя. Солнце взошло уже довольно высоко и теперь неистово палило. Самое начало лета: в это время года в Сахаре температура в тени достигает 110 градусов по Фаренгейту.

Не разгружая навьюченного верблюда, путник открыл одну из своих сумок и достал палатку. Машинально оглядевшись и удостоверившись, что поблизости нет ни укрытия, ни хотя бы тени, он разбил палатку прямо рядом с умирающим верблюдом, на самой вершине холма. Затем, скрестив ноги, уселся у входа в палатку и взялся за приготовление чая. Для этого пришлось разровнять небольшую площадку прямо на песке, установить несколько драгоценных сухих веточек наподобие пирамиды и развести огонь. Когда вода в котелке закипела, он заварил себе чай, как это обычно делают кочевники: перелил кипяток из котелка в чашку, добавил заварку и сахар, потом перелил обратно в котелок, чтобы дать настояться, и повторил эту процедуру несколько раз. Полученное таким образом крепкое, приторное варево показалось ему самым бодрящим напитком на свете.

В ожидании заката путник грыз финики и наблюдал за умирающим верблюдом. Человек был спокоен. Он проделал длинный путь по пустыне, оставив позади больше тысячи миль. Два месяца назад он вышел из Эль-Аджелы на средиземноморском побережье Ливии и, преодолев пятьсот миль в южном направлении, через Джало и Куфру пришел в самое сердце Сахары. Отсюда повернул на восток и, никем не замеченный, пересек египетскую границу. Пройдя через скалистую безлюдную местность Западной пустыни, повернул на север в районе Харги и теперь уже находился недалеко от цели путешествия. Он знал, что такое пустыня, и боялся ее — этот страх испы-

тывают все разумные люди, даже кочевники, которые проводят в пустыне всю жизнь. Однако человек никогда не позволял себе поддаваться страху, не впадал в панику: старался не растрачивать нервную энергию. Случалось всякое: то из-за ошибок в расчетах приходилось проделывать лишнюю пару миль, то бутылки с водой давали течь, то совершенно здоровые верблюды неожиданно заболели. Единственным ответом было «Иншалла»: на все воля Аллаха.

Наконец солнце стало клониться к западу. Путник взглянул на верблюда, прикидывая, какую часть поклажи можно унести на себе. Три небольших чемодана европейского вида — два тяжелых, один легкий — были одинаково необходимы. Кроме того, нельзя обойтись без сумки с одеждой, секстанта, карт, продуктов и бурдюка с водой. Уже слишком много: значит, придется оставить палатку, чайные принадлежности, котелок, планшет и седло.

Бедуин связал вместе три чемодана и прикрепил к ним одежду, еду и секстант. Из полосок материи он соорудил подобие лямок, чтобы узел можно было нести на спине, как рюкзак, а бурдюк с водой повесил на шею так, чтобы он болтался на груди.

Ноша получилась тяжелой. Еще три месяца назад он был достаточно силен, чтобы нести подобный груз целый день, а вечером сыграть еще партию в теннис, но пустыня истощила его. Кожа была покрыта ранами, он потерял двадцать или тридцать фунтов в весе. Без верблюда ему далеко не уйти.

Сжимая в руке компас, измученный странник тронулся в путь.

Он неукоснительно следовал направлению, борясь с искушением обогнуть встречающиеся холмы. Смерть шла за ним по пятам на протяжении этих последних миль, и малейшая ошибка, вызванная отклонением в сторону, могла стать фатальной. Забыв о своих надеждах и страхах, он сконцентрировался на стрелке компаса и песке под ногами. Ему удалось даже отрешиться от боли измученного тела и переставлять ноги автоматически, без единой мысли и, следовательно, без всякого усилия.

Вечерняя прохлада медленно опускалась на раскаленную пустыню. Бурдюк с водой становился легче с каждым глотком. Путник запретил себе думать о том, сколько воды осталось: дневная норма составляет шесть пинт, из чего следует, что на завтра воды не хватит. Внезапный шум крыльев над его головой возвестил о пролетающей мимо стае птиц. Прикрывая глаза рукой, он взглянул наверх и узнал песчаных куропаток, похожих на коричневых голубей. Эти птицы пустыни известны тем, что каждое утро и вечер целыми стаями слетаются к воде. Они двигались туда же, куда указывал компас. Значит, направление выбрано верно. Но путнику было известно, что они могут пролететь в поисках воды более пятидесяти миль...

По мере того как пустыня охлаждалась, на горизонте собирались облака. Спустившееся и теперь висевшее на уровне глаз солнце было похоже на огромный оранжевый мяч. Некоторое время спустя на пурпурном небосводе появилась белая луна.

Путник стал невольно подумывать о привале, ведь человеку не под силу идти всю ночь напролет. Но у него не было ни палатки, ни одеяла, ни риса, ни чая, и он твердил себе, что близок к цели: по крайней мере, так выходило по его расчетам.

Он спокойно продолжал путь, однако это спокойствие граничило с душевным опустошением. Все свои знания и силы он направил на борьбу с пустыней, но, по всей видимости, пустыня одерживала верх. Путник снова и снова вспоминал верблюда, которого он бросил умирать, размышлял о том глубоком спокойствии изнеможения, с которым животное ожидало смерти, лежа на холме. Но он — человек — поступит иначе: как только смерть станет неизбежной, он тут же ринется ей навстречу. Долгая агония, подкрадывающееся безумие — все это не для него, все это недостойно бедуина. Не зря же у него с собой нож...

Мысли о смерти повергли бредущего по пустыне в отчаяние, он уже не мог подавить страх. Луны не было, но вокруг разливался звездный свет. Вдруг он увидел перед собой свою мать, словно живую, она покачала головой: «Только не говори, что я тебя не предупреждала!» Он услышал, как, тихо пыхтя и медленно перебирая колесами в такт его сердцебиению, двигается

поезд. Маленькие камешки бросились из-под его ног врассыпную, будто крысы. Ему мерещился запах жареной баранины; стоило вдохнуть полной грудью, как впереди появлялось мерцание костра, на котором жарится мясо, и обгладывающий кости мальчишка возле огня. Вокруг были разбиты палатки, паслись верблюды, вдалеке виднелся источник. Путник пошел прямо на галлюцинацию. Привидевшиеся ему люди удивленно смотрели на идущего к ним бедуина. Из темноты появился какой-то высокий человек и что-то сказал. Пришедший принял медленно разматывать повязку, закрывающую его лицо.

Высокий мужчина в изумлении сделал шаг вперед и воскликнул:

— Брат!

И тут странник понял, что это не галлюцинация. Он улыбнулся и рухнул на землю.

Когда он пришел в себя, ему на мгновение почудилось, что он снова стал ребенком, которому взрослая жизнь привиделась в кошмарном сне.

Кто-то тряс его за плечо со словами: «Просыпайся, Ахмед», со словами, произнесенными на языке пустыни. Его уже давно не называли Ахмедом. Он осознал, что лежит на песке, закутанный в шершавое одеяло, с бедуинской повязкой, обмотанной вокруг головы. Открыв глаза, увидел величественный восход солнца, раскинувшийся радугой над плоским черным горизонтом. Холодный утренний ветер обдувал лицо.

В этот момент он вспомнил и вновь пережил все отчаяние и смятение четырнадцатилетнего ребенка, впервые проснувшегося в пустыне. Он вспомнил, как подумал тогда: «Мой отец умер», а потом сказал себе: «У меня есть новый отец». Обрывки сур из Корана путались в его голове, смешиваясь со словами Символа веры, которому мать втайне обучала его в Германии. Вспомнилась недавняя острая боль обрезания, после которого родные приветствовали его и дружески хлопали по плечу, поздравляя с тем, что он стал настоящим мужчиной. За этим последовало длинное путешествие на поезде, прошедшее в размышлениях о том, какими окажутся его двою-

родные братья, живущие в пустыне, и в опасениях, что они будут презирать его за бледность кожи и городские привычки. Мальчик выбежал с железнодорожной станции и увидел двух арабов, сидящих рядом со своими верблюдами прямо в пыли; они были с головы до ног закутаны в традиционные одежды, которые оставляли открытой только одну часть их тела — темные, непроницаемые глаза. Арабы отвели его к роднику. Все общались с ним при помощи жестов, что удивляло и пугало его. Вечером он понял: здесь нет туалетов, и это повергло его в непреодолимое смущение. Но он все же был вынужден задать постыдный вопрос. На секунду в воздухе повисла тишина, а затем грянул всеобщий смех. Оказалось, они были уверены, что их новый родственник не знает арабского, — вот почему они старались объясняться с ним на языке жестов. Кроме того, их рассмешило то детское выражение, к которому он прибегнул, чтобы выразить, что ему требуется. Кто-то объяснил мальчику: нужно отойти за круг палаток и присесть на корточки прямо на песок — и после этого он уже гораздо меньше боялся этих грубых, но вовсе не злых людей.

Так все ощущения, смешавшиеся в его душе, когда он смотрел на свой первый восход в пустыне, вернулись двадцать лет спустя вместе со словами: «Просыпайся, Ахмед» — и были такими свежими и болезненными, как будто все произошло только вчера.

Путник резко сел, и воспоминания рассеялись, словно утреннее облака. Он пересек пустыню с жизненно важным поручением, нашел родник, и это оказалось не галлюцинацией: его двоюродные братья были здесь, как всегда в это время года. Он потерял сознание от усталости, и они завернули его в одеяло и дали выспаться возле огня. Следующая мысль оказалась тревожной: а драгоценная поклажа? Донес ли он ее до костра? Увидев свои вещи, заботливо уложенные в ногах импровизированного ложа, он успокоился.

Рядом на корточках сидел Исмаил. Так было и раньше: в течение целого года, который они — двое мальчишек — провели в пустыне, Исмаил всегда умудрялся проснуться первым. Теперь он сказал только:

— Дела плохи, дружище?

Ахмед кивнул:

— Да, война...

Брат протянул ему маленький сосуд, украшенный драгоценными камнями. Ахмед смочил в воде пальцы и промыл глаза. Исмаил ушел, и отдохнувший за ночь странник поднялся с песка.

Одна из молчаливых и услужливых женщин подала ему чай. Он взял напиток, не поблагодарив ее, и быстро выпил. Пока вокруг неспешно собирались в путь, он съел немного холодного риса. Эта ветвь их семьи по-прежнему производила впечатление состоятельной: у них были слуги, много детей и более двадцати верблюдов. Находившиеся при палатках овцы составляли только часть стада, остальные паслись в нескольких милях дальше. То же самое касалось и верблюдов: ночью в поисках пищи они отдалялись от места стоянки и, несмотря на путы на ногах, иногда пропадали из виду. Мальчишки разыскивали их и возвращали назад, так когда-то делали и Исмаил с Ахмедом. У животных не было кличек, но Ахмед безошибочно различал их и знал историю каждого. Он мог сказать: «Это верблюд, которого мой отец подарил своему брату Абделю в тот год, когда умерло много женщин. Потом верблюд повредил ногу, отец забрал его и подарил Абделю другого, а этот — видишь? — до сих пор хромает». Ахмед научился разбираться в верблюдах, но так и не смог принять отношения к ним бедуинов: поэтому он так и не разжег огня под тем, что умер накануне. Вот Исмаил бы даже не вздумал сомневаться.

Ахмед закончил трапезу и вернулся к своей поклаже. Чемоданы не были заперты на ключ. Он открыл верхний; одного взгляда на кнопки и шкалу компактного радиоприемника, тщательно уложенного в прямоугольную коробку, было достаточно, чтобы воспоминания замелькали перед его внутренним взором, как кадры из фильма: безумная гонка жизни в шумном Берлине; широкая улица под названием Тирпитцштрассе с тремя полосами автомобильного движения; четырехэтажное здание песочного цвета; лабиринты коридоров и лестниц; приемная с двумя секретаршами; просторный офис

с письменным столом, софой, картотекой, маленькой кроватью... А на стене — японская картина с изображением ухмыляющегося демона и фотография Франко с автографом... А на балконе офиса, выходящем на Ландверский канал, — две таксы и преждевременно поседевший адмирал, который говорит: «Роммель хочет, чтобы я направил агента в Каир».

В чемодане также лежала книга — роман на английском языке. Ахмед прочел первую строчку: «Прошлой ночью мне приснилось, что я вернулась в Мандерлей». Из книги выскользнул сложенный лист бумаги. Ахмед поднял его и аккуратно положил обратно, захлопнул книгу, убрал ее в чемодан и закрыл его.

У него за спиной стоял Исмаил.

— Путешествие было долгим?

Ахмед кивнул.

— Я пришел из Эль-Аджелы, это в Ливии. — Географические названия были пустым звуком для его брата. — Я пришел от самого моря.

— От самого моря!

— Да.

— Один?

— Вначале у меня было несколько верблюдов.

Исмаил проникся благоговейным страхом: даже кочевники не осмеливались проделывать такие путешествия. К тому же он никогда не видел моря.

— Но зачем? — спросил он.

— Все из-за войны.

— Одна шайка европейцев борется с другой за право владеть Каиром. Какое нам дело до этого? Мы — дети пустыни...

— В войне участвует народ моей матери, — ответил Ахмед.

— Мужчина должен идти по стопам отца.

— А если у него два отца?

Исмаил пожал плечами, вопрос был исчерпан. Ахмед поднял закрытый чемодан.

— Можешь сохранить это для меня?

— Могу. — Исмаил взял чемодан. — И кто же выигрывает в войне?

— Народ моей матери. Они похожи на бедуинов — такие же гордые, жестокие и сильные. Они будут править миром.

Исмаил улыбнулся:

— Ахмед, помнишь, ты верил, что в пустыне водятся львы?

Ахмед вспомнил: в школе он слышал, что когда-то в пустынях жили львы и что, возможно, некоторые из них все еще живут где-нибудь в горах, питаются антилопами, лисами и дикими баранами. Исмаил отказывался в это верить. Когда-то этот спор казался им чрезвычайно принципиальным, они ругались до хрипоты. Ахмед ухмыльнулся:

— А я до сих пор верю, что в пустынях водятся львы.

Братья посмотрели друг на друга. С момента их последней встречи прошло пять лет. Мир изменился. Ахмед подумал о том, что бы он мог рассказать об этих годах: критический момент — важнейшая встреча в Бейруте в 1938 году; поездка в Берлин; его удача в Стамбуле... Все это ничего не значит для его брата, и, возможно, Исмаил понимает, что события его собственной жизни — жизни кочевника — так же мало важны для Ахмеда. Совершив совместное паломничество в Мекку, братья привязались друг к другу, но у них никогда не было общих тем для разговора.

Исмаил унес чемодан в свою палатку. Ахмед открыл другой, достал кусочек мыла, расческу, зеркальце и бритву, налил немного воды в чашку. Он приспособил зеркальце на песке и стал разматывать тряпки, закрывающие полголовы.

Вид собственного лица в зеркале потряс его.

Волевой, обычно совершенно чистый лоб был покрыт болячками. От уголков глаз, подернутых дымкой боли, разбежались морщины. Спутанная, ни разу не чесанная черная борода покрывала щеки вплоть до красиво очерченных скул, а кожа на крупном загнутом носу покраснела и вся растрескалась. Он разомкнул покрытые волдырями губы и обнаружил, что его красивые ровные зубы потемнели.

Он намылил подбородок и принялся за бритье.

Прежнее лицо постепенно возвращалось. Оно было скорее сильным, чем красивым, в линии губ угадывалась присущая их хозяину порочность. Сейчас это лицо не выражало ничего,